

Мы открываем раздел поэзии стихами выдающегося русского поэта Е.А. Евтушенко. Хотим выразить благодарность Евгению Александровичу за возможность представить на страницах нашего альманаха не только известные стихи, но и совсем новые.

Леонид Подольский

Евгений ЕВТУШЕНКО

Я ПРИШЁЛ К ТЕБЕ, ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

Я пришел к тебе, двадцать первый век,
не сломался, а дохромался.
Как подранок-медведь, тщусь хоть внутрь прореветь,
словно в самом жестоком романсе.

Когда я вырастал, мне шептали: «Не суйсь...»
Я, конечно, настырно совался,
и впервые мне в образе женском Иус
в няне Нюре нарисовался.

И со вмятинами от девичьих зубов
как ромео-джульеттовская любовь,
крошка крестик от Ланни Макхолти
на холодной войне согревал душу мне
в безнадежном, казалось бы, холоде.

И Христос, сотрясая в Кремле потолки,
где хотят – не хотят, но выслушивали,
гневно вскидывал сахаровские кулаки,
беззащитно по-детски веснушчатые.

Было много Христов, и я был всех готов
породнить на распятой планете.
Одного Христа видел я неспроста
в рыжем турке – Назыме Хикмете.

Мы с тобой, век двадцатый, слились и срослись,
словно смертники в Бабьем Яре.
Я – немыслимо выживший социализм,
но в единственном экземпляре.

Я люблю строки в лоб, ритма дробный галоп
и не жалею виршей чистюшных.
Прародитель мой был как-никак эфиоп,
ну а няньками были частушки.

Волга Стеньки впадает в египетский Нил.
Это я их сосватал, гуляка.
Я с Есениным в жилах соединил
Маяковского и Пастернака.

И Ты, Господи, крышу мою осени,
нежным шепотом сосенных игол,
где хранят нас два ангела нашей семьи:
Жиляковы – Тамара и Игорь.

Целый мир превратил я в поэзии зал,
и поскольку я завистью стольких терзал,
приписали мне Бонда все ранги,
потому что по росту никак не влезал
я в госдепно-цековские рамки.

Хлестаковым был зван, колорадским жуком,
шея часто влипала в намылку,
и, поэта в опале согрев пиджаком,
ледяную увидел ухмылку.

Объяснения этому я не найду.
Не смогу никогда примириться
с тем, что вижу при оскользи чьей-то на льду
нескрываемое злорадство.

Ну откуда взялась, расплодилась везде
зависть к тем, кто счастливей, богаче?
Мы, вчера помогая друг другу в беде,
нынче рады чужой неудаче.

В этом самозлорадстве – России разлом.
Нам самим бы в себе разобраться.
Наше самозлорадство и кончится злом.
Как бы всем нам добратся до братства?

Боже мой, нам бы не было в мире цены,
если б только не зависть и ругань
всех вконец измотавшей холодной войны –
нашей самовойны друг со другом.

Я пришёл к тебе, двадцать первый век.
Как нам жить? Нас шатает от ветра.
Ждут Россия, Украина и Чили ответ.
Век, ты тоже устал. Ведь и ты человек.
Оба ждём друг от друга ответа.

2014

* * *

Это был почти сон, но навек он спасён.
Нам его показал телевизор.
По степи шла одна из солдатских колонн,
безоружна, похожа на вызов.

Что за чувства солдат на опасность вели,
хотя сами того не хотели?
Но знамёна в руках, не касаясь земли,
что-то тайное им шелестели.

И под птиц заклинающие голоса
и шагавшие, и часовые
посмотрели друг другу в родные глаза,
но как будто их видят впервые.

Эти парни, прицелы сумев отвести,
не дождавшись вас всех, дипломаты,
преподали вам, как себя надо вести,
заморозив в руках автоматы.

И о чем-то важней всех команд войсковых
под солдатских шагов перестуки,
осторожно застыв на крючках спусковых,
в первый раз призадумались руки.

О история, хоть на мгновенье замри!
И ты замерла. Ты застопорила.
Слава Богу, услышала из-под земли:
«Не стреляйте!» – приказ Севастополя.

Вся политика меньше, чем жизни детей.
Но когда жить сумеем, когда же –
без продажи оружия –
продажи смертей,
чьей-то совести самопродажи?

И услышим ли мы в день прозрения свой
тишину,
слёзы счастья не спрятав,
как беззвучный расстрел всех неначатых войн
из невыстреливших автоматов?!

2014

Я С РОССИЕЙ ПОССОРИТЬ СЕБЯ НЕ ПОЗВОЛЮ

Я могу с Россией и не соглашаться,
ведь на свете нет безошибочных стран,
но не дам в отношения наши вмешаться
из-за общих и бед, и побед, и ран.
Я с Россией поссорить себя не позволю.
Сколько раз меня ссорили – не удалось,
И я плакал, но только слезою незлою
а такой, что меня прожигает насквозь.

2014

ТАНКИ ИДУТ ПО ПРАГЕ

Танки идут по Праге
в затканой крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.

Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.

Боже мой, как это гнусно!
Боже - какое паденье!
Танки по Ян Гусу.
Пушкину и Петефи.

Страх - это хамства основа.
Охотнорядские хари,
вы - это помесь Ноздрева
и человека в футляре.

Совесь и честь вы попрали.
Чудищем едет брюхастым
в танках-футлярах по Праге
страх, бронированный хамством.

Что разбираться в мотивах
моторизованной плётки?
Чуешь, наивный Манилов,
хватку Ноздрёва на глотке?

Танки идут по склепам,
по тем, что еще не родились.
Чётки чиновничьих скрепок
в гусеницы превратились.

Разве я враг России?
Разве я не счастливым
в танки другие, родные,
тыкался носом сопливым?

Чем же мне жить, как прежде,
если, как будто рубанки,
танки идут по надежде,
что это - родные танки?

Прежде, чем я подохну,
как – мне не важно – прозван,
я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.

Пусть надо мной – без рыданий –
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».

1968

НАСЛЕДНИКИ СТАЛИНА

Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.
А гроб чуть дымился. Дыханье из гроба текло,
когда выносили его из дверей мавзолея.

Хотел он запомнить всех тех, кто его выносил -
рязанских и курских молоденьких новобранцев,
чтоб как-нибудь после набраться для вылазки сил,
и встать из земли, и до них, неразумных, добраться.

Он что-то задумал. Он лишь отдохнуть прикорнул.
И я обращаюсь к правительству нашему с просьбою:
удвоить, утроить у этой стены караул,
чтоб Сталин не встал и со Сталиным – прошлое.

Мы сеяли честно. Мы честно варили металл,
и честно шагали мы, строясь в солдатские цепи.
А он нас боялся. Он, верящий в цель, не считал,
что средства должны быть достойны величия цели.

Он был дальновиден. В законах борьбы умудрён,
наследников многих на шаре земном он оставил.
Мне чудится, будто поставлен в гробу телефон.
Кому-то опять сообщает свои указания Сталин.

Куда ещё тянется провод из гроба того?
Нет, Сталин не сдался. Считает он смерть поправимостью.
Мы вынесли из мавзолея его.
Но как из наследников Сталина Сталина вынести?

Иные наследники розы в отставке стригут,
а втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
а сами ночами тоскуют о времени старом.

Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
хватают инфаркты. Им, бывшим когда-то опорами,
не нравится время, в котором пусты лагеря,
а залы, где слушают люди стихи, переполнены.

Велела не быть успокоенным Родина мне.
Пусть мне говорят:
«Успокойся...» – спокойным я быть не сумею.
Покуда наследники Сталина живы ещё на земле,
мне будет казаться, что Сталин ещё в мавзолее.

1961

БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет,

как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас –
я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне – следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус –
это я.
Мещанство –
мой доносчик и судья.
Я за решеткой.
Я попал в кольцо.
Затравленный,
оплёванный,
оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.
Мне кажется –
я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилен.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:
«Бей жидов, спасай Россию!» –
насилует лабазник мать мою.
О, русский мой народ! –
Я знаю –
ты
По сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.
Как подло,
что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!
Мне кажется, –
я – это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.
И я люблю.

И мне не надо фраз.
Мне надо,
чтоб друг в друга мы смотрели.
Как мало можно видеть,
обонять!
Нельзя нам листьев
и нельзя нам неба.
Но можно очень много –
это нежно
друг друга в тёмной комнате обнять.
Сюда идут?
Не бойся – это гулы
самой весны –
она сюда идёт.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет – это ледоход...
Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.
Всё молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.
И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я –
каждый здесь расстрелянный старик.
Я –
каждый здесь расстрелянный ребенок.
Ничто во мне
про это не забудет!
«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому –
я настоящий русский!

1961

